

Гнев

Унаследовав гнев праотцов,
я мечтаю выращивать розы,
цвета щёк побледневших юнцов,
пожелтевших страниц старой прозы.

И дешёвою брошью закрытую брешь,
прикрывать её словно щитом,
нож хорош, по живому им режь,
не раскаивайся потом.

Ощутить в их дыхании каждую смерть,
переправа, которой не будет и нет,
тень картонного ангела в грязном окне,
не бывает забыт, тот, кого и так нет.

Рыба, бьющая хвостом,
там у тебя внутри,
под твоих ребер мостом,
плещется и горит,
руки сложи крестом,
пристальнее всмотришь.

Не опасайся лукавых,
что они могут сделать,
чёрны пьянящие травы,
белы мертвые девы,
им до переправы,
как до пречистой веры.

Слава – счастье бездушных,
душит да говорит:
разве на всех заблудших,
хватит твоих молитв?
Только касанье разрушит,
водную гладь - зеркал лабиринт.

Осквернение

Таять на кончике языка, грехопадение,
кто способен приручить эту страсть?
Сквозь границы твоего сопротивления,
контрабандой я провезу соблазн.

Маска невинности – билет в рай,
сколько выручишь если её продашь?
Ведь одно только важно – не проиграй,
удержи культовый ритм, священный раж.

Тень молчания – тишина,
кровь горчащий жизненный сок,
как пречистых пьянит вина,
так лоза осквернения должна дать росток.

Руны

Тонкая ветка – провод,
соединение с миром.

Тонкая венка – повод,
сделать укус красивым.

Сделать тебя несчастней,
и немного бессмертной
всех, кто бывал причастен,
будут теперь заметней.

Сумерки время ничьё,
имя не будет принадлежать.
Буквы не сможет стащить вороньё,
если узорами вен их начертать.

Соль рассыпают к ссоре.
Плачь не рожденное море.
Новорождённое в боли,
чище чем свет и сильнее воли.

Живы ли те, кто мне предназначен?
Умерли может от несовершенства,
есть ли ответ еще однозначней,
на краю медитативного транса,
остром пике блаженства.

Если окружающий мир навсегда исчезнет,
от него останется только реклама.
Задохнувшийся в этой болезни,
осязаем не более чем нирвана.

Пять

Будущее не выйдет гулять,
кофемолка времени заржавела и крутит назад.
Сбросьте солнца жёлтый, резиновый мяч,
из окна в повседневный ад.

Как чудовище из детской сказки:
быт наследник комиссионки,
где в бутылочке яд из печальной ласки,
безымянна бесчисленность легионов.

Там, где некогда быть счастливым,
а прекрасное некогда, поистрепалось,
жизнь уходит волной отлива,
из тех мест где она начиналась.

Причастие

Я не знаю своего имени,
я не помню, что произошло.
Бой часов, временем как осколочной миной.
Не именуемое, не исчислимое,
не называемое зло.

Колокол если перевернуть – чаша,
в чем различно святотатство и сватовство?
Где-то там внутри, шумит тёмная чаша,
над которой не властно ни одно колдовство.

И даже если всё известное сгнуло,
превратилось в песок в одночасье,
всё что прежде тебя, тебя покинуло,
обернётся и станет твоим причастием.

Реальность – бред шизофреника,
планета вращается против оси.
Терять равновесие, ценного пленника,
измена, к которой привыкнешь как ни крути.

Ведь тело от тела закрыто прочно,
любое касанье обман,

но воображение порочно,
рисует иллюзию ран.

Святой Себастьян и стрелы,
так зверь сладострастный темен
раскрытые настежь двери,
бессмертен ли или безвремен?

Выбери себе сторону!
Нет такой стороны.
Алые ягоды, чёрные вороны,
волки моей страны.

Зло – всего лишь профессия,
ремесло, освоенное на зубок:
сеятель мракобесия,
жнец недописанных строк.

Дудочнику платят золотом,
а тому, кто кроит раздор
судьба быть раскаленным порохом,
сеять всепожирающий вздор.

Потерявши голову по волосам не плачут,
безумие только повод сменить причёску.
Если выделом переиначен,
среди мёртвых ищи тезку.

Это что-то, что ты потеряешь,
называется просто: рассудок,
посмотри чёрной дырой зияешь,
словно вырванный из книги рисунок.

Наигравшись отбросить тело,
разве череп не более чем ракушка?
где же гвоздь, на котором висело,
мироздание всё, как игрушка.

Тот, от кого нельзя отвести глаз,
скрип нервов заглушает гитару.
как стоит гранить алмаз?
чтоб он не сиял так бездарно.

Чтоб стала видна красота,
обычной бледности кожи,
нетронутого холста,
листа, что с другими не схожий.

Дневной немерцающий свет,
едва прикоснется и тут же отступит,
забытое имя, за давностью лет,
святой, непорочный преступник.